

**«ПРАВДА». ДИСКУРСЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

Выпуск **22**

«ПРАВДА»

ДИСКУРСЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ

УДК 17.02:1(470+571)(091)

ББК 87.7

П68

Под редакцией *Н.С. Плотникова*

Литературный редактор *Е. Добрушина*

Рецензенты: доктор социологических наук, профессор *Г.И. Козырев*

доктор социологических наук, профессор *Е.А. Гришина*

П68   **«Правда»:** дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / [под ред. Н. С. Плотникова]. — Москва : Ключ-С, 2011. — 368 с. — (Библиотека Института «Справедливый Мир» ; вып. 22).

ISBN 978-5-93136-149-9

Сборник подготовлен в рамках исследовательского проекта «Культуры справедливости. Нормативные дискурсы в диалоге между Западной Европой и Россией», поддержанного Федеральным министерством образования и науки ФРГ.

Проект координируется Исследовательским Центром «Русская философия и интеллектуальная история» (Рурский университет Бохума, ФРГ)

УДК 17.02:1(470+571)(091)

ББК 87.7

ISBN 978-5-93136-149-9

© Институт «Справедливый Мир», 2011

© Оформление ИД «Ключ-С», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора

Николай Плотников

Дискурсы справедливости
в интеллектуальной истории России 5

I. «Правда» как «истина» и «справедливость». К истории понятий

Наталья Печерская

Справедливость: между правдой и истиной.
(История формирования концепта в русской культуре) 15

Константин Сигов

«Правда» в контексте Европейского словаря
«непереводимостей»..... 49

Катарина А. Брекнер

Об употреблении слов «правда» (правда-справедливость)
и «истина» (теоретическая правда)
в русской интеллектуальной истории XIX столетия
на примере Н.К. Михайловского и П.И. Пестеля 71

II. Описания и обсуждения справедливости в русской литературе

Райнер Грюбель

«Гордое слово: справедливость». Дискурс справедливости
в романе Л. Толстого «Война и мир» 97

Хенрике Шталь

«Правда — процесс оправдания истины в стиле со-истин».
Понятия «правды» и «истины» в «Истории становления
самосознающей души» Андрея Белого.....130

Михаил Блюменкранц

Проблемы добра, свободы и справедливости
в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» 158

III. Право и справедливость в русском этическом и философско-правовом дискурсе

Андреас Буллер

Понятие «совесть» в нравственной философии
Владимира Соловьева 173

Майя Соболева

Правда поступка в философии Бахтина.....185

Елена Прибыткова

Человеческое достоинство и справедливость у И. Канта,
Вл. Соловьева и Дж. Ролза 196

Елена Тимошина

Идея справедливости в дискурсе петербургской школы
философии права 221

IV. Дискуссии о справедливости в русской политической философии XX столетия

Владимир Кантор

Федор Степун: «народная правда» против правового
сознания как явления христианской политики.....247

Регула М. Цвален

Право как путь к правде. Размышления о праве
и справедливости С.Н. Булгакова 264

Эверт ван дер Зверде

Народный подъем и политическая философия «веховцев» 276

Хольгер Куссе

Описывать, призывать, говорить от имени.
Коммуникативные формы в «Вехах» (1909)
и метадискурсивные типизации 320

Об авторах.....363

СПРАВЕДЛИВОСТЬ: МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ИСТИНОЙ. (ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ)

Наталья Печерская

Справедливость относится к числу базовых ценностных оснований любого общества. Стандарты справедливости выступают критериями легитимности как уже существующих социальных отношений и институтов, так и векторами эволюции (или революции) основных преобразований. Особо важное значение проблемы справедливости приобретают в периоды крупных общественных изменений и социального напряжения. Именно поэтому современная эпоха, отмеченная как серьезными трансформациями геополитического пространства, а именно размытием уже сложившихся границ национальных государств и культур и образованием новых, так и неуклонно нарастающими процессами глобализации, а также глубоким мировым экономическим кризисом, характеризуется повышенным вниманием к проблемам справедливого общественного устройства.

Предполагает ли справедливость неравенство в доходах и собственности, требует ли справедливость компенсаторных действий со стороны государства для исправления этих неравенств, должны ли более удачливые сограждане обеспечивать минимально приемлемое существование тех, кто оказался «за бортом», справедлива ли смертная казнь и если да, то в каких случаях, и т.д.? Незавершенность и неразрешимость дебатов по этим проблемам определяются разнообразием и несоизмеримостью *представлений о справедливости*, укорененных в различных культурах, сталкивающихся в новых геополитических условиях.

Некоторые представления о справедливости основываются на признании индивидуальных заслуг, тогда как иные выдвигают на первый план принцип равенства; одни апеллируют к стандарту полезности, другие не допускают мысли, что принесение в жертву интересов отдельных людей можно компенсировать благодеянием

общества в целом; одни отводят решающую роль в поддержании справедливого правопорядка государству, другие залог справедливости видят в минимизации его функций и т.д.

В повседневной жизни эти различные значения справедливости сосуществуют и взаимодействуют в некотором равновесии. В переходные исторические эпохи это равновесие нарушается, происходит переопределение экономической и политической системы. Этот процесс требует оправдания, основанного на новой системе ценностей, создающей идеологическую поддержку инновациям, что предполагает апологетику одних значений справедливости и забвение других, а иногда и ориентацию на кардинально новые для данной социокультурной общности представления о справедливом. И чем больше этот контраст, тем выше будут транзакционные издержки переходного периода, что в пределе может привести к невозможности сосуществования в новом фрейме общего дома.

1. Методологические основания¹

Философия, в которой справедливость вот уже более 2000 лет является объектом перманентного вопрошания, пытается предложить свои ответы на вызовы времени.

Политико-философский дискурс последних десятилетий характеризуется повышенным вниманием к проблемам справедливости².

---

¹ Поскольку предлагаемый в этой статье подход к рассмотрению справедливости отличается от сложившегося в современном философском дискурсе мейнстрима, автор считает необходимым обратить внимание читателя на методологические основания данного исследования.

² См. например: *Nozick R. Anarchy, State and Utopia*. N.Y., 1974; *Schafer J. Justice or Tyranny? A Critique of J. Rawls' Theory of Justice*. N.Y., 1979; *Levental G.S. What Should be Done with Equity Theory?* N.Y.: Social Exchange, 1980; *Perelman Ch. Justice, Law, and Argument*. Dordrecht, 1980; *Lerner M.J. The Belief in a Just World*. N.Y.: A Fundamental Delusion, 1980; *Dworkin R. The Original Position // Reading Rawls Critical Studies of a Theory of Justice*. Oxford, 1985; *Rawls J. A Theory of Justice*. Cambridge: MA, 1971; *Habermas J. Between Facts and Norms*. Cambridge: MA, 1996; *Daniels N. Justice and Justification: Reflective Equilibrium in Theory and Practice*. Cambridge: MA, 1996.

Основой политико-философской аргументации выступает при этом общественный договор³. В рамках договорной традиции «справедливость» рассматривается как предмет дискурса, а ее принципы — как универсалии, выявляемые рационально организованной рефлексией. Содержание «справедливости» определяется результатом договора, заключаемого между отдельными рациональными индивидами. Отметим, что в отличие от классических подходов (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо), современные интерпретации контрактных теорий, так называемые *теории процедурной справедливости*, делают акцент не на содержательном аспекте договора, а на соблюдении процедур выработки решений. В этом смысле справедливость относится к результату или решению, достигнутому благодаря правильно функционирующему механизму обсуждения, например рефлексивному равновесию (Дж. Ролз) или идеальной речевой ситуации (Ю. Хабермас).

Специфика предлагаемого в данном исследовании подхода состоит в рассмотрении справедливости прежде всего как элемента языковой игры, свойственной определенному сообществу. Такой подход к трактовке ценностных понятий базируется прежде всего на положениях поздней философии Витгенштейна, делающей упор на зависимость значения слов от их употребления в различных языковых играх. Под языковой игрой Витгенштейн понимал «единое целое: язык и действие, с которым он переплетен»⁴.

Эта связь между значением и употреблением слов стала впоследствии основой так называемого прагматического подхода,

---

³ Альтернативные подходы в исследовании справедливости немногочисленны, см.: *MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory*. London, 1981; *MacIntyre A. Whose Justice? Which Rationality?* Indianapolis, 1988; *Oakeshott M. On Human Conduct*. Oxford, 1975; *Oakeshott M. Rationalism in Politics // Rationalism in Politics and Other Essays*. Indianapolis, 1991; *Walzer M. Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality*. N.Y., 1983; *Walzer M. Thick and Thin: Moral Arguments at Home and Abroad*. Notre Dame, 1994.

⁴ *Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы*. Ч. 1. М., 1994. § 7.

интерпретирующего социальные феномены с помощью (или на фоне) практик реального словоупотребления.

В рамках этой парадигмы мир не содержит справедливость как некий объект, на который можно указать или усмотреть его сущность, в то же время человеческий мир не лишен ее. Справедливость — это понятие, вписанное в определенную форму жизни определенного сообщества. Это понятие, однако, не абстракция, которая бы предшествовала языку, а лишь затем воплотилась в нем. Напротив, оно существует только как элемент языковых игр, правила которых (их грамматика) конституируются практикой человеческого существования. Именно язык содержит накопленный поколениями опыт справедливости, структурируя наши возможности высказываний о справедливом и несправедливом и возможности справедливых поступков определенным образом. Таким образом, факты словоупотребления становятся главным средством анализа значения понятия «справедливость». Это значение связывается многомерной, но упорядоченной системой смыслов, фиксируемой в правильном словоупотреблении языка.

По Витгенштейну, для того, чтобы ответить на вопрос «Что есть справедливость?», нужно лишь взглянуть на то, что «всегда открыто взору», что, собственно говоря, и является самым захватывающим: нужно посмотреть, как люди говорят о справедливости.

Таким образом, значение понятия «справедливость» — это упорядоченная структура разнообразного *употребления* этого слова. В применении к теме данной работы отсутствие напряжения между значением и употреблением, утверждаемое прагматическим подходом, позволяет говорить о том, что факты словоупотребления становятся главным критерием значения понятия справедливости, разделяемого сообществом.

Такие значения справедливости, как правило, мы принимаем как данное, как должный порядок вещей. Они отражают *не нормативные правила* и процедуры, ведущие к справедливости, а описывают значение справедливости, базирующееся на неэксплицируемых правилах, укорененных в традициях и верованиях определенной формы жизни. В терминах Витгенштейна — это «скальный грунт»

понятия справедливости. Это *чувство справедливости*, которое формируется в процессе социализации и которое детерминирует наши предрасположенности в отношении оценки справедливости того или иного действия, лежащие в основе любых рациональных процедур и обоснований справедливости. Согласие, к которому приходят люди, — это, прежде всего, не согласие мнений, а согласие их форм жизни.

С точки зрения этого подхода, «ахиллесовой пятой» универсалистских стремлений «рационалистов» является игнорирование того, что любые формы рациональности укоренены в традициях определенного сообщества. Мы принимаем их не путем рациональных соглашений, но врастаем в эти нормы, и наше представление о должном, о правильном и справедливом вначале скорее выучивается, чем выбирается.

Объяснение, оправдание, репрезентация и другие формы рациональных рефлексий, ведущих к «истинному» пониманию, находятся в рамках языка, который всегда *уже* есть. В реальной жизни, в противоположность контрактным теориям мироустройства, мы рождаемся *внутри* общества. Мы обретаем личность, становимся тем, чем мы являемся, благодаря интернализации норм, ценностей, стандартов поведения нашего сообщества.

Поэтому все попытки «вскормить» справедливость только от «древа познания» наталкиваются на невозможность существования неукорененного человеческого разума. Как отмечает один из известных критиков рационализма Ханна Питкин,

...к тому времени, когда мы уже достаточно взрослые для решения моральных проблем, мы уже имеем ценности и стандарты, значения и концепции, так же как мы имеем язык, в котором они в значительной мере воплощены. В этом смысле мы действительно являемся частью человеческой общины, хотим мы того или нет, нравится нам это или нет⁵.

Таким образом, предлагаемый подход ставит своей целью не открытие нормативных правил и процедур, ведущих к справедливости,

---

⁵ Pitkin H.F. Wittgenstein and Justice. Berkeley, 1972. P. 334.

а выявление исторических корней наших современных интуиций справедливости.

Однако исследование истории понятий не является чисто лингвистической задачей. Всякий раз, когда смысл слова меняется, существует причина (часто неартикулированная), по которой в конкретное время и в конкретном применении возникло новое значение. Поэтому динамика значений понятия должна быть осмыслена в рамках контекста, в котором оно используется. При этом нужно учитывать, что ни одно понятие, ни один смысл не рождается с нуля: при самых сильных смысловых сдвигах слово всегда сопровождается, по образному выражению Остина, «прицепившиеся облака этимологии»⁶. Иначе говоря, при исследовании таких социальных феноменов, как справедливость, необходим не только анализ словоупотребления «здесь и сейчас» (синхронный), но и анализ развития понятия в исторической ретроспективе, т.е. историко-этимологический (диахронный) анализ.

Данная статья отражает первый этап проведенного исследования и посвящена генезису и развитию в русской культуре понятия «справедливость».

Наш анализ (на основе документов конца XV — начала XX вв.) состоял из двух этапов:

— установление примерного времени вхождения данного слова в русский язык и формулировка гипотез о причинах возникновения понятия;

— описание динамики изменения значения слова в связи с динамикой социо-культурных процессов.

2. Когда «справедливости» еще не было

Как ни странно, но слово «справедливость» появляется в лексическом составе русского языка довольно поздно. Несмотря на очень древний корень «-прав-», слово «справедливость» не встречается

---

⁶ *Austin J. Philosophical Papers.* 1970. P. 149.

в памятниках древнерусской оригинальной и переводной литературы примерно до XV в.

Это позволяет с высокой степенью достоверности предположить, что в древнерусском языке до XV в. не было потребности в данном понятии, а следовательно, отсутствовали и практики, требующие своего выражения именно в данном понятии.

Однако было бы ошибкой полагать, что в Древней Руси отсутствовали представления о тех признаках и свойствах, которые впоследствии вошли в состав значения понятия «справедливость».

В системе древнерусского мировоззрения морально-правовые принципы существования, которые мы обычно связываем со словом «справедливость», выражались широким спектром слов, объединенных общеславянской корневой морфемой «прав-»: правда, праведный, правило, правильный.

Легко заметить, что слово «справедливость» этимологически связано именно с этой группой слов, поэтому, чтобы обрисовать предысторию «справедливости», рассмотрим подробнее семантическое поле этой группы слов.

Все слова данной группы обладают общим семантическим ядром, определяемым корнем «прав-», исходным значением которого являются: 1) «прямой, устремленный прямо вперед (о движении)», затем «настоящий, правильный»⁷; 2) «какой должен быть»⁸.

Ключевым в семантическом смысле для вышеуказанной группы слов и для нашего анализа является понятие «правды».

В отличие от современного значения, смысловым ядром этого понятия выступали нравственные коннотации. Правда — это, прежде всего, морально-правовая категория.

То, что именно нравственное значение слова «правда» (а не «истина») реально превалировало в ту эпоху, подтверждается анализом техники перевода с греческого. Дело в том, что старославянские

---

⁷ Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994. С. 250.

⁸ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. 2. С. 841.

и древнерусские источники, дошедшие до нас, представляют собой в основном переводы с греческого древних библейских и апокрифических текстов. Поэтому указание соответствий в переводах выявляет состояние семантической системы языка того периода, его живого словаря.

Превалирующим понятием, переводимым в древнерусском слове «правда», являлось греческое понятие δικη [*dike*]⁹. *Dike* — древнегреческая богиня справедливости, но справедливости, понимаемой как следование неписаным законам, как жизнь согласно обычаю.

Бенвенист подчеркивает, что δικη [*dike*] — это некая норма (формула), связанная с отправлением правосудия, но правосудия не по образцу Римского права, а по образцу так называемого преторского суда или по образцу дошедшего до нас обычного или прецедентного права¹⁰.

Исходя из устойчивого соответствия в переводах этого греческого термина древнерусскому слову «правда», можно сделать вывод о том, что смысл правды в древней Руси сводился прежде всего к обычаю, правилу, исходящему от Бога. Понятие «правды» объединяло сущее и должное. «Правда» — это прежде всего «Божья правда».

Это предположение подтверждают и практики средневекового судопроизводства, воплотившиеся в «Божьем» или «праведном суде». Это — «поле», «крестное целование», «жребий», «ордалии».

Согласно таким практикам принятия решений в суде в условиях нехватки данных вершилось волей, стоявшей вне человеческого суждения, которой и придано было наименование «суда Божьего».

⁹ Результаты исследований Р.М.Цейтлин, рассматривавшей значения славянских слов с корнем «-прав-» в старославянских рукописях, также подтверждают это наблюдение (Цейтлин Р.М. О значении старославянских слов с корнем «-прав-» // Этимология. М., 1978. С. 62). Цейтлин установила, что существительное «правда» употребляется в одиннадцати старославянских рукописях суммарно около 200 раз в значениях «справедливость», и лишь в трех контекстах можно было предположить значение «истина», хотя содержание допускает толкование «по правде, по справедливости».

¹⁰ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 303–305.

Смысл практик оправдания как выяснения фактов, истины, близкий к нашему современному пониманию, приходит, если судить по примерам словоупотребления, гораздо позже — в конце XVI — XVII вв., когда отмирают практики Божьего суда.

2.1. Правда — истина

Заметим, что до XVII в. значение слов с корнем «-прав-» как репрезентации окружающего мира, характерное для современного их понимания, полностью отсутствует. Значение «истины» связано с идеей «Божественной истины», справедливого мироустройства в соответствии с Божественными канонами, а не с точностью отражения существа вещей. То, что современное значение слова «истина» не было изначально характерно для слова «правда», очевидно подтверждается и тем, что ни одно из его пятнадцати производных (праведный, праведник, правильный, правило и т.д.) не имело в древнерусском значений, мотивированных значением «истины» как соответствия высказываний внешней реальности.

Подытоживая, можно предположить, что семантическое поле употребления слова «правда» и однокоренных с ним слов данной группы до XVI в. носило скорее гомогенный, нежели гетерогенный характер. В смысловых оттенках употребления этих слов превалирует идея воли и правды Божией, выражающая основной морально-правовой принцип организации русской общественной жизни IX–XVI вв., а не идея истинности как соответствия окружающей действительности.

3. Первые словоупотребления: польский след (XVI–XVII вв.)

Конец XV–XVI века — это то время, когда употребление термина «справедливость» регистрируется в нескольких источниках дипломатической переписки Московского и Польско-литовского государств¹¹.

---

¹¹ По данным А. Грузберга (*Грузберг А.* Частотный словарь русского языка второй половины 16-го — начала 17 вв. Пермь, 1974), оно трижды встречается в «Выписях

Но материалы дипломатической переписки являются не вполне подходящими источниками для нашего анализа. В этих текстах часто употреблялись сугубо иностранные, еще не ассимилированные в русском языке того времени слова, вошедшие в широкое употребление гораздо позже.

Ситуация осложняется еще и тем, что морфология слова «справедливость» не дает однозначного указания на его происхождение. Тем не менее ученые сходятся во мнении о недревнерусском происхождении этого слова¹². Открытым остается лишь вопрос о путях вхождения его в лексику русского языка.

После взвешивания различных доводов, я склонна предположить, что здесь имеет место заимствование из Чехии или Польши, возможно, пришедшее к нам через Юго-Западную Русь в XVI в. К тому времени, когда появились первые употребления слова «справедливость» в русскоязычных текстах, в чешском (*sprawedliwost*) и польском (*sprawiedliwos'c*) языках это слово уже имело длительную историю¹³.

Надо добавить, что этимологические детали происхождения данного слова в чешском и польском языках неясны. Представляется вероятной следующая версия происхождения слова «спра-

---

из статейного списка посольства Павла Волка и Мартина Сушского». К тому же времени относится и появление в официальной переписке слова «справедливая»: «Еще нам не годится таковым неподобным обычаем государем своим служиться, но и справедливою правостью государем заслуговати, а то есть неподобных людей обычай, что язык свой на укоризну обращают» (Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 275).

¹² По версии Н.М. Шанского наличие суффикса «-ость» может указывать, что на образование данного слова повлияла лексика Юго-Западной Руси. (*Шанский Н.М. О происхождении и продуктивности суффикса «-ость» в русском языке // Вопросы истории русского языка. М.: МГУ, 1959. С. 104–131*). Однако вопрос о происхождении суффикса «-ость» не имеет в лингвистической науке однозначного ответа. Так, академик С.П. Обнорский относит его происхождение к церковнославянскому, книжному (*Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. 1946*).

¹³ См.: *Sl'ownik Staropolski XVI wieku. Warszawa, 1977; Jungmann J. Slovník cesko-nemecky. Wpraze, 1838.*

ведливость»: это слово было введено польскими или чешскими гуманистами в начале XVI в. как эквивалент слова *justitia*, использовавшегося в латинском языке — языке западноевропейской науки и цивилизации¹⁴.

Итак, точная датировка вхождения слова «справедливость» в русский язык сопряжена с рядом сложностей. Документы, в которых были зафиксированы первые словоупотребления, относятся к деловому жанру (дипломатическая переписка), куда часто попадала лексика, не свойственная русскому языку того периода. Более того, ни в одном словаре, отражающем лексику русского языка XVI в., нам не удалось обнаружить упоминания слова «справедливость». Но уже в конце XVII в. единичные употребления связанного с ним слова «справедливо» зафиксированы в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» в переводах с польского.

Такая фактическая канва истории вхождения слова «справедливость» в русский язык позволяет, с нашей точки зрения, предположить, что оно появилось скорее в XVII в., а в XVI в. лишь стояло, по образному выражению Э. Кинана, «на пороге» («on the door»). Что касается языка — источника заимствования — чешский или польский, мы все же больше склоняемся к версии заимствования из польского. Наше предположение подтверждается несколькими фактами. Во-первых, именно XVII век был временем активного влияния полонизмов (ассимиляция полонизмов) на лексический состав русского языка, что объяснялось польской интервенцией в XVII в.

Во-вторых, все ранние использования слова «справедливость», найденные нами, встречаются в документах, связанных с русско-польскими отношениям.

Отвечая на вопрос, какие причины привели к заимствованию слова «справедливость» (ведь в русском языке долгое время су-

---

¹⁴ Данная версия перекликается с точкой зрения проф. Н.С. Трубецкого, В.В. Виноградова и Эдварда Кинана, которые считали смысловую структуру польских слов с корнем «прав» (*prawo*) результатом воздействия латинского языка. (См.: Виноградов В.В. История слов. М., 1994. С. 534; Трубецкой Н.С. К проблеме русского самосознания. Б.м. [Берлин], 1927.)

ществовали слова «правость», «правда», «право» и т.д.) и почему именно в этот период произошло заимствование, можно предложить следующую гипотезу. XV—XVI века — время централизации русского государства. В период правления Иоанна III и IV, которые «обобрали шапки у князей удельных», осуществляется замена поместного правления самодержавием. Вместе с самодержавием родилась поговорка «Все Божие, да Государево», которую царь Иван Васильевич включил в наказ гонцу своему Мясоедову, отправлявшемуся к польскому королю Сигизмунду II. В это время происходит объединение разделенных частей Русского государства. Добровольные земли Новгорода и Пскова были подчинены Московии, а атрибуты их самосудности (вечевые колокола) были свезены в Москву.

Нарождающееся Русское централизованное государство нуждалось в кодифицированном, унифицированном законодательстве.

Различие в условиях и судебных обрядах, вызванное тем, что в раздробленных княжествах Древней Руси руководствовались обычным правом, противоречило процессу централизации (Русская правда).

Судебники 1497 (Иван III) и 1550 (Иван IV) гг. ознаменовали собой сдвиг в сторону секуляризации и рационализации права. Право выступает уже не как Божья воля, проявляющаяся, например, в поединках или жребии, а как порождение Божьей власти, олицетворенной в персоне царя и отраженной в законах. О секуляризации права свидетельствует и ограничение в судебныхниках прав церкви¹⁵.

Новый смысл и формы права требовали и эквивалентной происходившим изменениям лексики. Слова, связанные с термином «правда», хотя и имели прямые коннотации с судопроизводством, но были близко связаны по своей семантике с нормами обычного права. Понимание же права как закона, установленного властью,

---

¹⁵ Достаточно странным в этой связи представляется отсутствие слова «справедливость» в Уложении 1649 г., остававшемся основным сводом законов России вплоть до XIX в., тем более что одним из важных источников уложения явился Литовский Статут. Возможно, это еще одно косвенное доказательство того, что слово «не успело» осесть в русском языке и стать достаточно употребимым.

нуждалось в новом лексическом выражении. Видимо, XVII век предоставил наиболее простой путь компенсации этого «дефицита» — путь прямого заимствования.

Однако, хотя слово «справедливость» фиксируется уже в источниках XVI в., вплоть до XVIII в. оно, видимо, не являлось на Руси широкоупотребимым. Так, частота употребления только одного слова «правда» в 24 источниках XVI–XVII вв., проанализированных Грузбергом, составляет 259 раз (ранг 243), а «справедливость» и «справедливый» употребляются в совокупности лишь 4 раза¹⁶.

4. XVIII век: многоликая справедливость

Вхождение понятия «справедливость» в относительно широкое употребление отмечено нами лишь в XVIII в.

Понятие «справедливости» буквально врывается в литературный язык того времени. Слово «справедливость» широко употребляется не только в морально-правовом дискурсе, но и в естественно-научной литературе, художественных произведениях, мелькает на страницах появившихся в XVIII в. «толстых» журналов и становится элементом обыденной лексики читающей публики.

Индикатором вхождения понятия «справедливость» в широкое употребление может служить его появление в первом толковом словаре России XVIII в. — «Словаре Академии Российской» (1793 г.), в который вошли, как подчеркивали его авторы, только общеупотребительные слова русского языка, но словарь дает значение «справедливости», не пересекающееся с нашим современным понятием об этом слове:

Справедливость — истина, точность.

Как показал анализ источников¹⁷, в XVIII в. появляется несколько новых по сравнению с XVII в. значений. Понимание «справедливо-

¹⁶ Грузберг А. Частотный словарь русского языка второй половины 16-го — начала 17 вв. Пермь, 1974.

¹⁷ В литературе по русскому языкознанию отсутствует нужная информация о лексике XVIII в., так как Словарь Академии Российской (1793 г.) включает только

сти» как истины не являлось единственным, хотя и превалировало в этот период. Помимо значения (1) *объективная истина (точность)*, справедливость выступает в значении (2) *воздаяние должного* (и это значение является самым употребимым после первого), (3) *нравственная категория* (как добродетель), (4) *справедливость юридическая*, (5) *естественное право* (нравственная основа положительных законов).

Третье и четвертое значения соединяют справедливость с понятием закона в двух значениях последнего слова: закон — *система нравственных правил* и закон — *система гражданских установлений*.

Итак, превалирующим пониманием слова «справедливость» в XVIII в. является «истина» и «точность». Попытка рационализации всех сфер человеческого познания, характерная для эпохи Просвещения, приводила иногда к парадоксальным эффектам. По-видимому, нечто подобное произошло и со словом «справедливость». В самом распространенном типе употребления этот термин был «выкинут за рамки» морально-правовой сферы, и основным его значением стало «истина, точность как соответствие окружающей действительности». Так слово использовалось в деловых и научных текстах, в публицистике, в художественной литературе и в эпистолярном жанре. Интересно, что именно в XVIII в. в России появляется новый литературный жанр — справедливая повесть. Принадлежность к этому жанру определялась реальным характером событий, описываемых в произведении.

Примечательно, что в этот период идея справедливости как гражданского установления, в каковом значении она вошла в лексику русского языка, не нашла своего развития как основное зна-

---

наиболее распространенные в бытовой лексике значения слов, игнорируя нюансы смыслов; что касается «Словаря русского языка XVIII века», издаваемого Санкт-Петербургским отделением Института русского языка, то изданы лишь первые тома (до «И»). Поэтому при выделении значений слова «справедливость» в этот период мы провели выборочный анализ первоисточников, а также использовали данные рукописной «Картотеки русского языка XVIII века», возможность работы с которой была любезно предоставлена сотрудниками Института лингвистических исследований РАН.

чение. И это при том, что в этот период, благодаря реформам Петра и деятельности Екатерины II по разработке нового российского законодательства (Новое уложение), идет дальнейшая секуляризация и рационализация права. Возможно поэтому употребление «справедливости» в этом значении чаще встречается в рамках правового и философского дискурса того времени как смысловой эквивалент французского *la justice*, то есть писаного закона. Укоренение данного значения было вызвано широким распространением идей европейского Просвещения в России XVIII в. Вся фразеология философских и правовых дискурсов того времени испытывала на себе сильное влияние смысловой системы философско-правовой лексики западноевропейских языков, и прежде всего языка французского. Нововременные теории общественного устройства рассматривали справедливость как результат контракта (реального или гипотетического).

Суть новоевропейских контрактных теорий справедливости составляло понимание ее как характеристики ситуации, порождаемой самими людьми и закрепляемой в общественном договоре в процессе межиндивидуального взаимодействия.

Здесь важны два аспекта. Во-первых, вера в силу человеческого разума породила веру в возможности создания справедливого мироустройства на основе рационального плана. Во-вторых, в традициях контрактного подхода справедливость является объектом соглашения. Заключая договор, группа людей путем рациональной аргументации должна раз и навсегда решить, что является справедливостью, а что нет. Человек как бы конструирует справедливость на основе рационального постижения окружающей действительности.

Воплощением такого понимания справедливости был процесс рационализации и секуляризации правовой сферы, начатый в России еще Петром I и продолженный Екатериной II за счет деятельности учрежденной ею для разработки нового российского законодательства (Нового уложения) Уложенной комиссии. Справедливость вершится не Божественным судом, а разумом и законом человеческим.

Укоренение справедливости, понимаемой как *естественное право*, было также вызвано широким распространением в России XVIII в. переводных работ европейского Просвещения, прежде всего французских философов Вольтера, Гельвеция и Руссо.

Наряду с этим, слово «справедливость» развивает и значение *нравственная категория (добродетель)*. В этом значении оно встречается в документах деловой переписки, в художественной литературе, в эпистолярном наследии.

Здесь справедливость выступает как индивидуальная добродетель. Показательным в этом отношении является устойчивое сочетание слова «справедливость» с притяжательным местоимением «свой» («доказывать свою справедливость», «наилучшим образом представить свою справедливость»). По-видимому, это связано с тем, что в XVIII в. справедливость приписывается не только миру, Богу или царю, но и тому, что появляется на арене в XVIII в. — личности и ее словам и поступкам. Понятие личности как человеческой индивидуальности начинает формироваться именно в XVIII в. Возможно, именно на этом фоне понятие «справедливость» постепенно начинает раскрываться и как этическая категория, как индивидуальная характеристика человека.

4.1. «Правда» и «справедливость»: превращения

Для того, чтобы более полно представить динамику развития понятия, небезынтересно обратить внимание на взаимовлияния семантических полей «справедливость» и «правда».

Как покажет дальнейший анализ, эти понятия, начиная со времени закрепления слова «справедливость» в середине XVIII в. в лексическом составе языка, находятся в постоянном взаимодействии, развиваясь то за счет поляризации смыслов, то посредством расширения, «перетягивая» и «пересекая» значения, но всегда на фоне друг друга.

В XVIII в. в ключевой для нас паре «справедливость — правда» наблюдается следующее распределение акцентов: понятие «правда» связано исключительно с моральными коннотациями, а «справед-

ливость» преимущественно выступает в значении «истина», то есть как характеристика соответствия действительности.

Если мы обратимся к современному употреблению этих слов, то обнаружится *зеркальное отражение* смыслов этих понятий. Наиболее употребляемое в XVIII в. значение понятия «справедливость» в смысле «истина», «точность» отходит на задний план и в XX в. сохраняется лишь в языке науки (в естествознании). Первостепенным же становится понимание справедливости как характеристики общественного устройства, соответствия моральным и правовым нормам. Значение «истина» и «точность» в бытовом словоупотреблении берет на себя понятие «правда», теряя свои коннотации со «справедливостью». Причины таких кардинальных перемен следует искать в истории развития понятия «справедливость» уже в XIX в.

5. Метаморфозы XIX века

В XIX в. наблюдается дальнейшая эволюция значений понятия «справедливость», тесно связанная с исторической спецификой этой эпохи. Райнхардт Козеллек характеризует XIX век как границу современного мира, момент рождения современной системы социально-политических категорий¹⁸.

Для России XIX столетие ознаменовалось эпохой радикального кризиса правового и государственного устройства. В это период появляются и сталкиваются между собой разнообразные философские и политические течения, каждое из которых предлагало свои пути достижения совершенного общества. Новые идеи требовали соответствующего словесного оформления.

Особенно значительной семантико-стилистической перестройке подверглась отвлеченная лексика. Именно в XIX в. этот

---

¹⁸ Koselleck R. Einleitung // *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politischsozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart Klett, 1972. Bd. I. S. XIII–XXVII; *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-х гг. XIX в. М.-Л., 1965. С. 39; *Буляховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. Киев, 1941. Т. 1.

круг лексики складывается в его современном виде. Главную роль в обновлении и изменении лексической системы русского языка в это время играют семантические сдвиги в кругу уже известных слов, а не образование или заимствование новых.

Все вышесказанное в полной мере относится и к предмету нашего исследования — понятию справедливости. Как мы видели, в XVIII в. это понятие уже получило «права гражданства» в различных жанрах русского литературного языка и приобрело достаточно широкий спектр значений. В XIX в. мы также не наблюдаем какого-либо единого, универсального значения слова «справедливость»; скорее, можно говорить о дальнейшем расширении семантического поля понятия, но динамика смыслов — появление новых значений, смещение акцентов в традиционных значениях — имела уже иной, чем в предыдущем веке, характер. Специфику этой динамики определил ряд факторов.

Во-первых, в XIX в. «справедливость» становится предметом понятийно-аргументативного обсуждения, объектом философской рефлексии представителей разнообразных течений общественной мысли, то есть попадает в *пространство социально-философского дискурса*. Именно эта черта, определив специфику метаморфоз понятия по сравнению с XVIII в., задала вектор дальнейшей судьбы «справедливости» в России.

Решающим фактором в процессе затухания у слов одних значений, активизации других и формирования новых становится функционирование слов в теоретических дебатах. Так, во многом под влиянием философско-политического дискурса тех лет, постепенно, по мере приближения к XX веку, угасает ведущее для XVIII в. представление «справедливость как истина», а лидирующее место отвоевывает наиболее употребимое к концу века понятие «социальная справедливость» — новое значение, возникшее под влиянием распространения в России идей марксизма.

Во-вторых, если в XVIII в. различные значения «справедливости» сосуществовали достаточно мирно, то в XIX в. понятие становится внутренне *конфликтным*, наполненным взаимоисключающими интерпретациями. Выделение и теоретическое обоснование какого-

либо из значений превращается в один из решающих факторов размежевания, а порой и конфронтации участников социально-философского дискурса того времени: так, различие в понимании справедливости легло в основу разногласий между славянофилами и западниками, внесло раскол в лагерь законников, а споры о путях ее достижения развели по разные стороны баррикад бывших соратников — русских социал-демократов и революционеров-марксистов. Разумеется, этот список участников баталий за «справедливость» можно продолжить.

В-третьих, являясь предметом социально-философских дискуссий, отдельные значения слова «справедливость» постепенно «обрастают» целой системой идей, преобразуясь из нейтральных понятий в базовые элементы разнообразных мировоззрений. Этот процесс привел к превращению «справедливости» в *идеологическое* понятие¹⁹.

Анализ документов показал, что все значения, обнаруженные в XVIII в., вошли в словоупотребление и XIX в. Главное внимание мы сосредоточим на тех смысловых нюансах, новых акцентах и различиях, которые внесли в семантическое поле «справедливости» различные философские направления и их теоретики. Но датировать появление новых нюансов, а тем более атрибутировать их какому-либо философскому течению или конкретному теоретику можно лишь условно. К тому же в рамках журнальной статьи было бы затруднительно воссоздать полную картину эволюции понятия.

Нашей задачей было очертить лишь общую схему развития понятия: определить векторы движения значений, описать их взаимоотношения внутри семантического поля; показать, как постепенно, в результате погружения в социально-философский дискурс, различные значения «справедливости» образовывали

---

¹⁹ Здесь определение «идеологический» не имеет уничижительного смысла, в котором часто употребляется в современной литературе. Для нас оно обозначает лишь принадлежность к конкретному мировоззрению, то, что Манхейм называл «рационально-обоснованной системой идей» (*Манхейм К.* Идеология и утопия. М., 1992. Ч. 1. С. 64).

своего рода автономные, часто конфликтующие миры, каждый из которых обладал своей системой рациональности, своими способами достижения справедливости, своими принципами поведения, своими критериями в оценке справедливого и несправедливого.

Проведенный анализ семантики показал, что в русском литературном языке XIX в. слово «справедливость» имело следующие значения: 1) справедливость-истина (соответствие фактам); 2) справедливость-правильность (соответствие неписанным правилам, традициям); 3) естественная справедливость; 4) юридическая справедливость (положительное право); 5) распределительная справедливость (воздаяние должного); 6) справедливость как социальное равенство; 7) революционная справедливость; 8) религиозно-нравственная справедливость.

Как мы видим, слово приобрело несколько новых по сравнению с XVIII в. значений. Но XIX век и традиционные значения обогатил новыми нюансами, по-иному расставил акценты, внес созвучные времени различия.

5.1. Справедливость как истина

В значении «истина, верное, точное отражение действительности» слово на протяжении XIX в. встречается достаточно часто в текстах самых различных жанров у широкого круга авторов.

Но постепенно коннотации «справедливости» и «истины» начинают ослабевать, теряют свою однозначность. Все чаще встречаются амбивалентные высказывания, где «справедливость» ассоциируется не только с сущим, но и с должным, правильным.

По сравнению с XVIII в. падает частота использования слова. Как носители языка, мы можем сказать, что в XX в. использование слова «справедливость» уже крайне редко связывается с отражением реальности. Употребление в таком значении ограничивается научной проблематикой, причем, как правило, сферой естественных и точных наук.

Показательно, что Большой академический словарь современного русского языка, хотя и фиксирует значение «справедливость

как истина», но иллюстрирует его в основном примерами XIX в.²⁰. Как мы можем объяснить затухание этого значения? Если исходить из Веберовской теории рационализации, то к концу эпохи Просвещения метафизическое единство мира распалось на автономные сферы науки, искусства и политики. Каждая из этих сфер имела свои ценности, свою систему рациональности. Для науки — это истинность, для искусства — красота, аутентичность, для политики — нормативная правильность. Проблематика должного уже не могла возникнуть в рамках научного дискурса. Она полностью отошла в сферу политики. Возможно поэтому значение справедливости как истины остается неизменным именно в естественно-научных дисциплинах. В остальных же сферах человеческой деятельности употребление слова отсылает к нормативной правильности поведения, то есть к нравственной сфере.

В этой связи небезынтересно обратить внимание на взаимовлияние семантических полей «справедливости» и «правды». Если в XVIII в. «правда» имела чисто моральные коннотации, то есть сохраняла свое древнерусское значение, не поддавшись процессу рационализации моральной сферы XVIII в., то в XIX в. положение меняется. Основным значением «правды» становится истина, точная репрезентация фактов, в то время как справедливость окончательно укореняется в нравственной сфере. Подчеркнем, что мы говорим лишь об основных значениях этих слов. В частности, понятие правды в нравственном смысле мы часто встречаем у славянофилов, у представителей русского религиозного ренессанса. Но это употребление носило остаточный, затухающий характер.

Итак, в борьбе двух значений «справедливости» — «истины» и «правильности» — победило значение «правильности». Мы наблюдали эту борьбу сначала в участвующем со второй половины XIX в. амбивалентном употреблении слова, а затем и в теоретически оформленном противопоставлении этих двух понятий в рамках философского дискурса. Обратимся теперь к более подробному рассмотрению развития смысла «справедливость как правильность».

---

²⁰ См. БАС. Т. 14. М.—Л., 1963. С. 578—580.

5.2. Справедливость как правильность

Употребление слова «справедливость» в смысле «правильность», то есть соответствие чьих-либо поступков или слов неписаным правилам суждения и поведения, в большинстве случаев имплицитно содержит в себе характеристику личности говорящего или того, о ком идет речь, и подразумевает *правоту* его слов или действий.

В первой половине XIX в. значение «справедливость как правильность» стало одним из краеугольных камней философской доктрины раннего славянофильства. Исходным пунктом в обосновании морали, которое приводили славянофилы, было разделение справедливости на внутреннюю и внешнюю и их противопоставление. *Внешняя справедливость* подразумевает формальный закон, наделенный принудительной силой, *внутренняя справедливость* — право обычное, то есть та справедливость, которая «вырастает из жизни и совершенно чужда развития отвлеченно-логического, ...предпочитает святость предания логическому выводу; нравственность требования — внешней пользе»²¹.

Резюмируя, можно выделить следующие базовые черты «справедливости-правильности».

Во-первых, такое понимание справедливости ставит во главу угла принцип удержания и воспроизводства традиции. Справедливое действие предполагает следование обычаю или традиции. Во-вторых, эта справедливость стремится прежде всего не к равенству, а к единству. Патернализм придает этим отношениям характер патриархальной семьи. Поддержание и проявление традиционно сложившихся иерархических связей между лицами составляет основную характеристику правильного, соответствующего обычным правилам жизни, а следовательно, справедливого поведения.

И, в-третьих, значение справедливости как правильности является антиподом значения справедливости как писаного закона.

---

²¹ *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. 48–49.

Между ними (во всяком случае, в русской культуре, противопоставляющей государственно-правовой позитивизм и обычное право) имеет место антиномия двух принципов, которые, взятые каждый сам по себе, обладают немалой убедительностью, но не могут, однако, сосуществовать в едином пространстве.

5.3. Естественная справедливость

То же противопоставление писаному закону мы находим и в понятии *естественной справедливости* — новом значении, которое в лексике XIX в. еще не было широко употребляемым. (Следует отметить, что естественную справедливость не надо путать с естественным правом. Естественное право рассматривалось в нововременной традиции как нравственное основание положительных законов, и таким образом между естественным и положительным правом устанавливалась прямая связь.)

Чаще всего мы находим такое понимание термина в трудах русских анархистов, где в острой полемике с другими влиятельными философскими течениями того времени (в первую очередь, с правовым позитивизмом и марксизмом) происходило оформление «естественной справедливости» в самостоятельное значение²².

Центральным для понимания значения «естественной справедливости» анархисты считали вопрос о ее отношении к положительным установлениям. Если в трудах правоведов — Чичерина, Редкина (раннего), Кистьяковского, Новгородцева — естественное право входит в качестве составной, основополагающей части положительного права и частично растворяется в нем, то в учениях анархистов — Бакунина, Кропоткина — естественное право провозглашалось единственно обязательным, а положительный закон

---

²² В изложении содержания понятия «естественная справедливость» мы будем опираться на произведения идеолога русского анархизма Петра Алексеевича Кропоткина, перу которого, собственно, и принадлежит обоснование нравственных истоков анархизма и, в первую очередь, идеи «естественной справедливости». См., например, его работы «Анархия, ее философия и идея» (1906), «Нравственные начала анархизма» (1907), «Справедливость и нравственность» (1921), «Этика. Происхождение и развитие нравственности» (1922).

связывался лишь с репрессивной функцией²³. В развитии положительных законов анархисты видели не восхождение к идеалу справедливости, а последовательный отход от него²⁴.

Настоящая справедливость, данная людям от природы, одна и общая для всех. Справедливость является *антропологической характеристикой* человека вообще вне зависимости от его принадлежности к какому-либо государству, национальности, классу, партии и прочим социальным институтам. Представления о справедливости, по их мнению, вырабатываются в процессе эволюции («Основное свойство человеческого разума есть понятие о справедливости, то есть о равноправии»²⁵) и являются такими же «основными свойствами человеческой или даже живой природы, как потребность питания»²⁶.

Суть справедливости — признание равноправия всех людей, выводимого из человеческой природы.

Но идея равноправия у анархистов не исчерпывает понятия справедливости. Требование справедливости — требование одновременно и нравственное, экономическое, и социальное, так как предполагает *равенство* людей во всех этих областях. Такое понимание равенства вело к признанию необходимости социальной однородности общества и ко всеобщему *арифметическому равенству*, то есть к *равноценности людей*.

В этом требовании всеобщего равенства заключалось основное отличие «естественной справедливости», проповедуемой анархистами, от понятия справедливости как «естественного права», уходящего своими корнями в философию Нового времени. Равенство

---

²³ В дискурсе анархизма вместо понятия «естественная справедливость» часто употреблялись понятия «естественное право» или «естественный закон», что порождает определенную путаницу. Необходимо помнить, что использование этих терминов подразумевало коннотацию с «правом по природе» (*ius naturae*) как совокупностью допозитивных постановлений и противопоставлялось «праву по закону».

²⁴ Кротошкин П.А. Этика. Избр. труды. М., 1991. С. 296.

²⁵ Там же. С. 177.

²⁶ Там же. С. 296.

как принцип справедливости выдвигали многие мыслители XVIII в., однако они решали эту проблему, исходя из равенства людей как политических существ, как граждан. Их представление о равенстве простиралось только на сферу политического, то есть на равенство прав, и не затрагивало ни экономическую, ни социальную сферы.

Перечислим основные черты «естественной справедливости» и кратко обрисует характер ее связей с другими пониманиями справедливости. Во-первых, «естественная справедливость» предстает как совокупность всех сверхпозитивных прав человека, то есть существует до и вне закона положительного. Характерная для правового дискурса идея справедливого господства отбрасывается ради идеи свободы от господства. Понятие «юридической справедливости» и «естественной справедливости» — взаимоисключающие смыслы, вносящие в семантику справедливости конфликтность и внутреннее напряжение.

Во-вторых, носителем этой справедливости является каждый человек вне зависимости от его национальной, классовой, гражданской, партийной принадлежности. Это значение справедливости общечеловеческое, в нем имплицитно присутствует чувство общности каждого со всем человечеством. Каждый индивид справедлив уже в силу своей природы, являясь обладателем неотчуждаемых прав, то есть прав, которыми располагает каждый человек как человек вообще и которые он имеет при любых обстоятельствах, вне зависимости от договоренностей любого уровня. В этом отношении понятие «естественной справедливости» входит в диссонанс с понятием «справедливости как правильности», которое ориентировано прежде всего на поддержание традиции и обычаев, укорененных в культуре того или иного народа.

В-третьих, содержание понятия «естественная справедливость» ориентировано на идею полного — экономического, социального и политического — равенства, что сближает его с понятием «социальная справедливость» в русском марксизме.

5.4. Юридическая справедливость

В этом значении «справедливость» совпадает с понятием писаного закона. Именно таким оно пришло на Русь из Польши в XVII в.

Но даже в XVIII в. это значение еще не было распространенным и в обыденном употреблении было недостаточно явно выражено.

В XIX в. ситуация меняется: в понятии «справедливости» все настойчивее проявляются юридические коннотации. Одновременно расширяется и дифференцируется само семантическое поле «юридическая справедливость». Вероятно, семантическая дифференциация внутри этого понятия была связана с тем, что в XIX в. в России происходит интенсивное формирование буржуазного законодательства, и нюансы, связанные с пониманием справедливости как правовой категории, становятся предметом философско-юридического дискурса.

Несмотря на широкий смысловой спектр употребления слова в правовом аспекте, преобладающими, с нашей точки зрения, являлись два значения: *справедливость как писанный закон* и *справедливость как естественно-правовая категория*.

Оба эти значения мы встречали в XVIII в., и их сосуществование в поле юридической справедливости было вполне мирным.

В XIX в. эти значения были *противопоставлены* друг другу в рамках правового дискурса. Значение «справедливости» как «закона» нашло теоретическое обоснование в рамках философии правового позитивизма, а «справедливость» как «естественно-правовая категория» стала базовым понятием сторонников допозитивных оснований законодательства.

5.5. Справедливость как закон

Понимание «справедливости» в рамках философии государственно-правового позитивизма состояло в полном *отождествлении* справедливости и закона. Законодательная функция государства рассматривалась как единственный источник справедливости. Отцом такого понимания справедливости считается Гоббс, утверждавший, что «не истина, а авторитет создает закон». Согласно трактовке, отождествляющей «справедливость» и «закон», справедливость может иметь какое угодно содержание в зависимости от целей государственной политики, политической конъюнктуры, соотношения сил и формы власти.

5.6. Справедливость как естественное право

С точки зрения естественно-правовой теории знак равенства между законом и справедливостью низводит последнюю «до степени интереса отдельных групп»²⁷.

Справедливость представляет не относительные, а абсолютные начала, имеющие сверхклассовый, общечеловеческий характер, объединяющие людей как представителей человечества, и реализуется государством через закон и социальные институты путем реформ.

И в настоящем несовершенном состоянии человечества есть такие нормы права и морали, которые общеобязательны для всех, истекают из беспристрастной и нелицеприятной идеи справедливости, которая дает начало не буржуазным и не пролетарским, а общечеловеческим правовым представлениям, одинаково стоящим над богатыми и бедными, сильными и слабыми²⁸.

Значения «справедливость как закон» и «справедливость как естественное право», казалось бы, могут рассматриваться как самостоятельные. Но в понятии «юридическая справедливость» есть смысловой нюанс, который объединяет эти две трактовки, — это «беспристрастность».

5.7. Беспристрастность как принцип юридической справедливости

В этом значении слово «справедливость» употреблялось для характеристики процесса вынесения суждения, суть которого сводится к одному из основополагающих принципов юридической справедливости — судить невзирая на лица, то есть не учитывая личных заслуг, положения в обществе, родственных связей и т.д.

Употребление этого значения в XIX в. наблюдается в двух типах контекстов.

С одной стороны, значение «справедливость как беспристрастность» часто выступает в качестве характеристики конкретного лица

---

²⁷ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900. С. 24.

²⁸ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 255.

(отметим, что всегда в ситуациях вынесения суждения, оценки, судилища).

С другой стороны, «беспристрастность» употребляется в отношении организации судопроизводства и воплощает идею формального равенства всех перед законом.

Следует отметить, что в понятии юридической справедливости присутствует и момент воздаяния по заслугам, то есть возмещения нанесенного ущерба посредством соразмерного наказания, но он носит подчиненный характер по отношению к требованию арифметического равенства, поскольку только равное ограничение создает из свободы отдельных лиц закон. Поэтому, еще раз подчеркнем это, основной смыслообразующей характеристикой юридической справедливости остается принцип беспристрастности или абстрактно-формального равенства.

5.8. Справедливость как воздаяние должного

В русском литературном языке XIX в. слово «справедливость» очень часто употребляется в словосочетаниях «отдать справедливость», «отдать должную справедливость». Здесь значение «справедливость» имплицитно связывается с понятием *«распределяющая справедливость»*.

Традиция употребления понятия в этом значении восходит к XVIII в. По своей распространенности оно уступало тогда лишь пониманию справедливости как истины. В XIX в. частота встречаемости данного значения в русском языке существенно возрастает — «справедливость как воздаяние должного» становится наиболее употребимым смыслом этого слова. Но количественные изменения не исчерпывали весь спектр перемен, произошедших с этим значением в XIX в.

Проведенный нами анализ различных текстов XIX в. продемонстрировал определенную динамику *критериев* распределяющей справедливости по сравнению с XVIII в., что привело к существенным изменениям самого значения. Если до середины века это значение выступало в контекстах, связанных с личностным развитием и совершенствованием, то есть как нравственно-этическое

понятие, то в 60-е гг. оно принимает ярко выраженную социальную окраску: проблема справедливости воздаяния становится прежде всего проблемой внешнего устройства общества, а точнее, развития его экономической сферы.

Итак, примерно до середины XIX в. основным содержанием распределительной справедливости остается воздаяние почестей по заслугам (как и в XVIII в.). Но постепенно, по мере смещения употребления понятия «справедливости» из этической сферы, связанной с понятием личного нравственного совершенствования, в социально-философский дискурс, где проблема справедливости рассматривалась как социальное явление, смысл распределяющей справедливости стал трактоваться как распределение или, точнее, как перераспределение сугубо материальных благ.

Решающую роль в этом смысловом сдвиге сыграло возникновение «социальной темы» в рамках философского дискурса второй половины XIX столетия. Характеризуя состояние философской мысли этого периода, С.Н. Булгаков писал:

Крайне непопулярны среди интеллигенции понятия личной нравственности, личного самоусовершенствования, выработки личности (и, наоборот, особенный, сакраментальный характер имеет слово «общественный») ²⁹.

Аристократический дух первой трети XIX в., преклонение перед самобытностью личности, индивидуальной свободой и самосовершенствованием постепенно сменились мироощущением разночинской интеллигенции с ее культом социальности.

Теперь более простой взгляд входит в общее сознание: обращено внимание на распределение благ природы между людьми, на организацию общественных отношений. Во всех науках поэтому разрабатывается понятие об обществе ³⁰.

---

²⁹ Булгаков С.Н. 1991. Героизм и подвижничество. Из размышлений о природе русской интеллигенции // Вехи: Интеллигенция в России. М., 1991. С. 64.

³⁰ Добролюбов Н.А. Избранные философские произведения. М., 1948. С. 585–586.

Социальный подход утверждал внешнюю обусловленность человеческого характера, отрицал идею личной ответственности. В контексте социального подхода вопрос о нравственном совершенствовании человека определяется фактом общественной жизни. Причина несправедливости, отсутствие совершенной жизни лежит не внутри человека, а вне. Она коренится в несправедливом и несовершенном общественном устройстве: суть социального понимания справедливости — положение о коренной зависимости добра и зла в человеке от внешних условий, его воспитания и образования. Таким образом, справедливость не рассматривается как результат совершенствования человека и *вопрос справедливости из этического превращается в вопрос социальный*. Следы «социального переворота» в понимании сущности справедливости появляются, естественно, и в словоупотреблении. Все чаще справедливость сочетается со словами «социальный», «общественный», «общество».

Новый смысловой нюанс мы находим преимущественно в социально-философских и публицистических произведениях второй половины XIX в., и особенно, что естественно, в трудах русских марксистов.

Марксисты понимали справедливое вознаграждение как распределение благ, общих для всех граждан, пропорционально *трудовому вкладу* в общее дело.

Но парадоксальность марксистских подходов к распределительной справедливости состояла в том, что в идеале они стремились к максимальному возможному равенству, когда каждый будет получать в соответствии с потребностями. Дифференцированное, в соответствии с вкладом, распределение принималось как неизбежное зло, как временное подспорье, которое будет отброшено за ненадобностью в мире всеобщего единства и равенства.

Итак, мы видим, что помимо изменения мерил воздаяния по заслугам в рамках распределения появляются два противоположных принципа — принцип социалистического распределения в соответствии с трудовым участием и коммунистического распределения в соответствии с потребностями. Но если первый принцип вполне отвечал сущности классического определения

распределяющей справедливости, предполагавшего не равное, а соответствующее достоинству — пропорциональное распределение различных благ, то принцип коммунистического распределения, напротив, апеллировал к эгалитарному принципу, требуя полного социального и экономического равенства. Возможно, что здесь мы имеем дело с возникновением нового значения, вырастающего из недр распределяющей справедливости — *коммунистической справедливости*, которая, будучи содержательно связана, в первую очередь, с вопросами распределения, тем не менее в основу распределения берет иной, чем распределяющая справедливость, принцип.

5.9. Революционная справедливость

Это значение справедливости тесно связано с распространением идей марксизма в России.

Каждый класс проповедует свое представление о должном, и поскольку классовое общество — это всегда антагонистическое общество, то и представления о справедливости отдельных классов носят несовместимый, антагонистический характер. Иначе говоря, русский марксизм ставил достижение справедливости в прямую зависимость от классовой борьбы. Он стремился к справедливости через разрушительные силы революционной стихии. Основным признаком революционной справедливости является допущение *насилия* в рамках справедливого действия, необходимость которого определялась классовым характером справедливости.

5.10. Религиозно-нравственная справедливость

Экспансия марксистских подходов не могла не вызвать ответной реакции в развитии русской этической мысли.

Идея социальной детерминированности справедливости, ее обезличенный характер подвергалась критике со стороны религиозных мыслителей, представителей так называемого русского религиозного ренессанса В. Соловьева, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева и ряда известных русских писателей, в том числе

Л. Толстого, Ф. Достоевского. Все они пытались создать альтернативы социальной концепции справедливости.

Основной специфицирующей чертой религиозного подхода к справедливости является утверждение ее глубокой личностной природы, данной человеку Богом вместе с душой. Источником справедливости на земле явится не история, не развитие социальных классов и общественных отношений, а нравственная инициатива и подвижничество отдельных людей.

В основу справедливости должна быть положена не идея внешнего устройства, а *идея внутреннего совершенствования и самотворчества*.

Несправедливость человеческой жизни происходит не от социальных причин и социальными причинами не может быть объяснена. Понимание справедливости лишь как выражения интересов какого-либо класса лишает личность свободы нравственного восприятия и нравственного суждения. Проповедь общественного переустройства равносильна тому, как если бы кто-то утверждал, что «людям не надо идти самим, своими ногами туда, куда они хотят и куда им нужно, но что под них подведется такой пол, по которому, не идя своими ногами, придут туда, куда им нужно»³¹.

Проблема справедливости в этом контексте становится не социальной, а духовно-нравственной проблемой, вопросом возрождения духовности в человеке и новых духовных отношений между людьми.

Правовая справедливость, общественные реформы, принудительные законы играют здесь второстепенную роль. Нужно лишь пойти по пути личного совершенствования. «Изменять формы жизни, надеясь этим средством изменить свойства и мировоззрения людей, все равно, что перекаладывать на разные манеры сырые дрова в печи, рассчитывая на то, что есть такое расположение сырых дров, при котором они загорятся. Загорятся только сухие дрова, независимо от того, как они сложены»³².

---

³¹ Толстой Л.Н. Сочинения графа Л.Н. Толстого. Изд. 12-е. М., 1911. Т. XIV. С. 508.

³² Там же. Т. XIX. С. 238.

***

Итак, придя на Русь в XVII в. в своем «юридическом» значении, воплощая новые практики унифицированного законодательства централизованного государства, за три века своей «русской истории» «справедливость» превратилась в многозначное понятие. На протяжении всего XIX в. в рамках социально-философского дискурса происходило оформление каждого из значений слова в самостоятельную, рационально обоснованную систему идей со своими теоретиками, принципами и критериями справедливого и несправедливого. Постепенно значения все более обособлялись, входя в конфронтацию друг с другом. Именно поэтому не существует общего универсального понятия «справедливость», объединяющего все значения. Каждое значение преобразовалось в отдельный «мир справедливости» — универсальный и самодостаточный³³.

Для каждого из миров справедливости характерна своя, несовместимая с другими значениями, «грамматика бытия». Логика аргументации, используемая в одном мире, непонятна и неприемлема в другом. Поэтому попытка абсолютизации какого-либо одного значения, выделения его в качестве ведущего разрушает естественный исторически сложившийся спектр представлений о справедливости.

Проведенный в данной работе анализ понятия «справедливость» через словоупотребление, на наш взгляд, продемонстрировал, что, несмотря на наше страстное желание абсолютных истин и вневременных значений, факт состоит в том, что понятия не имеют абсолютного, данного Богом или постигаемого разумом значения, так как не существует абсолютных сущностей вне фактов практического опыта. Значение — это просто результат различного употребления слов, то есть слово имеет значение только в потоке жизни.

---

³³ Отметим, что вывод об отсутствии универсального понятия справедливости не ограничивается контекстом русской культуры. Анализируя классические тексты западной политической философии, Люк Болтански и Лоран Тевено выделяют шесть автономных значений справедливости — шесть миров (*cit *), одновременно существующих в пространстве западной культуры. См.: *Boltanski L. and Th venot L. De la Justification. Les Economies de la grandeur. Paris, 1991.*

Наши представления о справедливости опираются на социально установленное множество имплицитных правил, воплощенных в различных пониманиях справедливости и транслируемых через язык. Однако принципиально важным является то, что такие множества правил начинают существовать в конкретные исторические периоды, при конкретных социальных обстоятельствах и не являются универсальными.

Не существует универсальных значений справедливости, которые не являлись бы внутренними по отношению к некоторой конкретной традиции или шире — «форме жизни».

Это предполагает отсутствие некоего монопринципа, общего для всех смыслов справедливости. Вследствие отсутствия такого нейтрального стандарта для сравнения и предпочтения какого-либо одного из значений справедливости, рациональные дебаты о ее сущности могут возникнуть только внутри одного из «миров справедливости».

На первый взгляд предлагаемый прагматический подход к понятию справедливости может представлять лишь академический интерес. Но такое впечатление может создаться лишь при достаточно поверхностном рассмотрении. Этот подход несет в себе прежде всего терапевтическую функцию.

Здесь агентом власти выступают не только и не столько различные политические инструменты, с применением которых мы обычно связываем надежды на освобождение и справедливое мироустройство, а язык, «истинный хозяин» (Р. Барт), который являет себя как деперсонифицированное начало, гораздо более неумолимое в своей неизбежности, чем любой диктатор или политический институт.

Станет ли язык «тюрьмой» или основой консенсуса, зависит от нашей смелости и способности взглянуть на «работу» языка, которую раскрывает нам прагматический подход к ценностям культуры.

- Metadiskursive Argumentation. Linguistische Untersuchungen zum russischen philosophischen Diskurs von Lomonosov bis Losev. München, 2004
- Толстой и язык мудрости. Гöttingen, 2010
- Вехи как метадискурс. Лингвофилософские замечания // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры / Под ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М., 2007. С. 63–73
- Семантика интерпретации А.Ф. Лосева и семантические теории в XX веке // Вестник МГТУ. Т. 13 (2010). № 2. С. 295–302

д-р Николай Сергеевич Плотников

Исследовательский центр «Русская философия и интеллектуальная история», Рурский университет Бохума, ФРГ

- Персональность. Язык философии в немецко-русском диалоге. М., 2007 (ред. совместно с А. Хаардтом)
- Gelebte Vernunft. Konzepte praktischer Rationalität beim frühen Hegel. Stuttgart-Bad Cannstatt, 2004
- Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М., 2000

к.ф.н. Наталия Викторовна Печерская

Государственный университет — Высшая школа экономики, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия

- Concept of Justice [spravedlivost’]: Origin and Evolution in Russian Culture (XI–XX Centuries) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 53 (2005), H.4
- Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания // Полис. 2004. № 2
- Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолцер? // Общественные науки и современность. 2001. Вып. 2
- Справедливость в контексте поздней философии Л. Витгенштейна. СПб., 2000

к.ю.н. Елена Анатольевна Прибыткова

Исследовательский центр «Русская философия и интеллектуальная история», Рурский университет Бохума, ФРГ; Институт государства и права РАН, Москва, Россия